

Столкнувшись с сомнением, Юй Шанчжи лишь мягко улыбнулся и указал на стоящую рядом аптечку:

— Я травник-лекарь, этот напиток составлен из чернослива, боярышника и других трав. Домочадцы мои пьют его каждый день, и никакого вреда не было.

Мужчина, похоже, знал пару иероглифов: поднял голову, разглядел нарисованный на полотнище знак «медицина», снова окинул взглядом Юй Шанчжи и выражение его стало заметно спокойнее.

Узнав цену пять монет за порцию, он сразу же достал деньги. За эти пять монет он получил полный до краёв бамбуковый стакан, так что жидкость чуть не пролилась. Мужчина поспешил поднести его жене, приглашая её попробовать. Но та покраснела и, смущённая посторонними взглядами, мотнула головой. Тогда мужу ничего не оставалось, как сделать первый глоток самому.

Стоило вкусу коснуться языка, как лицо его резко изменилось.

— Я-то думал, у вашего травяного питья будет один горький дух лекарств, — удивлённо воскликнул он. — А оно, оказывается, удивительно вкусное!

Сидевший у него на плечах ребёнок уже всю тянул ручонки, требуя свою долю. Мужчина отдал бамбуковый стакан жене, сам же снял сына с плеч, и втроём они, смеясь и переговариваясь, скоро осушили больше половины.

Пять монет — не богатство, но это была первая продажа. Вэнь Ецай, едва сдерживая довольную улыбку, с шумом бросил звонкую медь в денежный кувшин. Отвечая на вопросительный взгляд, Юй Шанчжи мягко улыбнулся и указал на аптечку, стоявшую рядом с ним.

После этого подошло ещё несколько покупателей в основном за напитком. Пять монет за бамбуковый стакан, да ещё и с сахаром, да к тому же с «подписью» травника-лекаря и обещанным целебным действием - желающие расстаться с горсткой медяков находились без труда. Хотя у многих, пришедших на ярмарку, вся семья брала всего один стакан, и это уже считалось редкой роскошью.

На дне денежного кувшина звякнули первые монеты, а из принесённых Кон Майей соломенных сандалий удалось продать одну пару. Вэнь-эрю сообщила о цене в десять монет, но пояснила, что тот человек долго и упорно торговался, в конце концов сбив цену до восьми. Она протянула медяки Кон Майе, и та сжала их в ладони так крепко, словно это были не восемь монет, а целых восемь связок монет, тяжёлых и ценных.

Вдруг вмешался Вэнь-санья:

— А ведь этот дядя купил сандалии, которые сплёл дядя Кон!

Соломенная обувь на вид почти вся одинаковая, и Вэнь-эрню сама бы ни за что не различила. Даже Кон Майе приходилось вглядываться внимательно, чтобы узнать собственную работу.

Вэнь-санья уверенно сказал:

— Это сандалии, что сплёл дядя Кон. В дороге сестра Майя показывала мне: у него и у неё узелки на концах сделаны по-разному. А тот дядька выбирал долго, в итоге остановился на работе дяди Кона, значит, его мастерство приглянулось.

Вэнь-эрню потянул брата к кучке соломенных сандалий. Тот глянул внимательнее, и без колебаний вытащил четыре пары, спросив у Кон Майи, не её ли отца работа. Кон Майя проверила каждую, и оказалось действительно так.

Вэнь-эрню хлопнула ладонью по колену:

— Я ж говорила, что дядя Кон делает не хуже! А он сам всё твердит, что с его рук только дешево и продавать.

Кон И считал, что пальцы у него неповоротливы, да и сандалии выходят непрочные. Сплёл пять пар, перебрал и решил, что лишь три ещё кое-как сойдут, а уж если кто за них не возьмёт и по пять вэнь не жалко отдать, не то что по восемь. А вышло, что первая же проданная пара наглядно доказала, что его работа вовсе не хуже.

Кон Майя, возвращая сандалии на место, ощутила странный комок в груди. Она взъерошила волосы Вэнь-санья, и сердце её было полно самых разных чувств.

— Спасибо тебе, Санья, — тихо сказала Кон Майя. — Не думала, что ты и за таким присматриваешь.

Вэнь-санья смущённо улыбнулся. Для него это было привычным делом: из-за болезни он редко выходил из дома, подолгу лежал на постели, и даже узоры на потолочных балках знал наизусть по кольцам древесины. Так незаметно выработалась привычка подмечать то, что ускользает от других. А ещё у него от природы была отличная память, стоило раз увидеть, и забыть уже было трудно.

Прошло ещё немного времени. Считая от начала торговли, минуло примерно полчаса, а лечебных прижиганий разошлось всего с десяток. Вэнь Ецай начал понемногу тревожиться, тогда как Юй Шанчжи сохранял спокойствие. Он понимал: вещь новая, многие и слыхом не слыхивали, потому и не спешат верить в её пользу.

И в этот момент со стороны соседнего прилавка семьи Чжуанцзы донеслось звонкое «пах-пах!»

— кто-то с силой хлопал ладонью по коже. Юй Шанчжи обернулся и увидел, как сам Чжуанцзы протягивает жене ладонь, на которой расплывалось кровавое пятно.

— Гляди, — возмущённо сказал он, — опять до отвала насосались!

Жена Чжуанцзы нахмурилась. Они с мужем-то ладно, привычные, а вот двое сыновей словно нарочно манили на себя комаров: за какие-то полчаса все руки-ноги уже были в зудящих шишках. Она вздохнула, но вдруг в голове щёлкнуло, и женщина даже засмеялась, укорив себя за неповоротливость.

— Мы и вправду глупцы, — сказала она, придерживая ребёнка на руках и не имея свободной, слегка подтолкнула Чжуанцзы носком ноги. — Надо было сразу догадаться: купить у Юй-ланчжуну пару полынных палочек, зажечь — и комаров отпугнет, и мух от тофу прогонит.

Дома их запас уже вышел, а сегодня в суматохе сборов на ярмарку оба напрочь забыли.

— Верно, — хлопнул себя по лбу Чжуанцзы. — А я тут, как дурак, прыгаю да хлопаю!

Тут же он сунул руку в денежный горшок, выудил несколько медяков и, махнув Юй Шанчжи через два шага, позвал:

— Юй-ланчжун, дай-ка две полынные палочки, малых совсем заели комары!

Юй Шанчжи не ожидал, что Чжуанцзы так вовремя подыграет, взял плату, а Вэнь Ецай уже протянул две готовые палочки. Поскольку у семьи Чжуанцзы с собой не оказалось огнива, Вэнь Ецай ещё и помог им - поднёс огонь, вставил палочку прямо в утопанную землю у ног. Тонкая сизая струйка дыма медленно поползла в стороны, и вскоре комары, ещё недавно назойливо вившиеся у щиколоток, словно и впрямь испарились.

Соседями по ряду у Чжуанцзы оказалась чета, торгующая соевым соусом. Огромные кувшины источали тяжёлый, сладковато-терпкий запах, и оттого мух на их прилавке было особенно много. Супруги махали веером без передышки, лишь бы покупатели, подходившие к лотку, не морщились от мысли, что соус «нечист». Ведь в такую жару в каждом дворе кишат мухи, но когда платишь деньги, требуешь, чтобы товар выглядел опрятно.

Однако теперь и они заметили перемену: едва у соседнего тофу-торговца задымилась та самая полынная палочка, их кувшины вдруг остались без облепивших их насекомых. Молодая пара переглянулась, сперва ещё не веря, а потом оба решили: чудо не иначе как от той палочки.

Хозяин, приосанившись, подошёл поближе к Чжуанцзы и завёл разговор:

— Дядя, гляжу, у вас тофу влет уходит.

Чжуанцзы засмеялся:

— У вашей семьи тоже хороший бизнес по продаже соусов. Очень ароматно пахнут. Видно, не первый год в этом деле?

— Верно подметили, — кивнул торговец соусом, — мы этим ремеслом ещё со времен деда занимаемся.

Чжуанцзы довольно заулыбался и обернулся к жене:

— Ну что, может, и нам купить немного соуса?

Жена не возражала, такая вещь в каждом доме пригодится, где бы ни купили.

Торговец соусом, дождавшись, когда любезности будут исчерпаны, наконец выдал то, что крутилось на языке:

— Дядь, а что за палочку вы там под прилавком зажгли? Гляжу, чудо как помогает: только задымилась, мухи все разом исчезли.

Чжуанцзы сперва растерялся, но в тот же миг смекнул: подвернулся случай помочь семье Вэнь с их товаром, и поспешил пояснить:

— Ай, ну ты спросил как раз кстати! Это у нас в деревне лекарь сам делает полынные палочки. Бросишь одну в скотный хлев или поставишь под окном, и во дворе, и в доме чисто, ни комаров, ни мух, сплошное спокойствие.

— Лекарь делает? — мужик сразу нахмурился. — Наверняка недёшево стоит?

Жена Чжуанцзы как раз опустила на землю сына, который не давал ей покоя, и, улыбнувшись, сказала:

— Совсем недорого! У нас в деревне почти каждая семья пользуется. Для простых людей продаётся, цена самая доступная: за три монеты две палочки. Экономно и на три вечера хватит. Считаю, за месяц всего тридцать монет. А как только похолодает, комары да мухи сами подохнут. Выходит, всего-то пара месяцев потратиться и никаких лишних расходов.

Жена Чжуанцзы с детства торговала мелочью, счёт вела всегда ясный, без промаха. Сказала она всё складно и понятно, и сразу было видно, что собеседник проникся. Тот мужик держал дома своё ремесло варки соуса, а у кого за плечами мастерство, у того и жизнь в деревне поспокойнее, и тратить такой человек не скупится.

— Сестра, а вы из какой деревни? — спросил он. — Будет случай, сам к вам схожу, куплю.

Чжуанцзы рассмеялся:

— Зачем так далеко ходить? Мы с соседями сегодня вместе из деревни приехали торговать. Ты только пару шагов сделай и купишь, сколько нужно.

С этими словами он отошёл в сторону и указал на торговое место семьи Вэнь.

— Я сам только что у них купил, не из дому принёс. Видно, как раз когда у вас был покупатель, вы с женой и не услышали, иначе и говорить бы не пришлось.

Мужчина почесал в затылке, усмехнулся:

— Ну, раз так — отлично.

Сказав это, он вернулся к своему прилавку и попросил у жены пригоршню медяков. Такая вещь редкость, к тому же он сам только что убедился в её действии, потому решил сразу взять побольше.

Тем временем, как раз проводив двух покупателей напитка, Юй Шанчжи и Вэн Ецай подняли головы и увидели, как к ним уверенным шагом направляется мужчина и идет прямо к связке полынных палочек.

— Это по три вэня за две штуки? — мужчина присел у прилавка и поднял одну из палочек.

Вэнь-эрню не удержалась от вопроса:

— Эй, откуда вы цену знаете?

Мужчина рассмеялся:

— Продавцы тофу ведь из вашей деревни? Это они меня к вам направили.

Вот как. Юй Шанчжи и Вэн Ецай переглянулись и с благодарностью кивнули в сторону супругов Чжуанцзы, благодаря которым быстро заключили эту сделку.

Три вэня за две палочки, мужчина сразу взял двадцать штук, то есть на тридцать вэнь. На прощание, заметив напиток из кислой сливы, не устоял и купил бамбуковую кружку, чтобы угостить жену. А когда взгляд упал на аптечку Юй Шанчжи, он вовсе остановился.

— Вы и правда деревенский лекарь?

Юй Шанчжи кивнул:

— Верно.

Мужчина, держа одной рукой связку палочек, другой — бамбуковый стакан, после коротких колебаний всё же спросил:

— А вы женщин лечите? Можно пульс проверить?

Юй Шанчжи с улыбкой ответил:

— А почему нельзя?

Мужчина тут же переспросил:

— А сколько стоит?

— Осмотр - пятнадцать вэнь, лекарства считаются отдельно, — спокойно пояснил Юй Шанчжи.

Цена была вполне умеренная, но сам лекарь казался уж слишком молод, мужчина подумал, что, будь дело иначе, этот парень должен был бы звать его «братом». И все же он колебался: доверять или нет?

Однако, с точки зрения Юй Шанчжи, даже если тот и не вполне уверен в его врачебных способностях, по крайней мере уж точно верит в эффективность его лекарственного дыма — ведь спустя всего несколько мгновений к лавке подошло ещё несколько человек за лекарственными палочками, судя по всему, из той же деревни, что и торговец соевым соусом. Толпа у прилавка привлекла внимание проходящих мимо, и вскоре здесь уже царил оживлённая атмосфера.

После всей этой суеты Вэнь-санья пересчитал оставшиеся палочки и с радостью сообщил, что продано уже почти восемьдесят штук. Напитка из слив осталась одна треть, а соломенных сандалий ушло ещё две пары.

Глиняный кувшин для денег становился всё тяжелее, а рынок между тем достигал своего пика — кругом шум, гомон и толчея.

А вот у скромного лекарского уголка Юй Шанчжи по-прежнему не было ни одного пациента, но он и не торопился. Он изначально на доход с приёма не рассчитывал, хотел лишь с пользой

провести время.

Он первым делом специально зачерпнул порцию напитка из слив и передал семье Чжуанцзы, в конце концов, всего пара сказанных ими слов привела к такому наплыву покупателей. Затем, когда выдалась передышка, он решил немного проверить Кон Майю на знание материала. На часть вопросов девочка отвечала бегло, на другие с заметной заминкой, а потом и вовсе покраснела.

Юй Шанчжи не придавал этому значения, махнул рукой и велел ей идти играть с Эрню и Санья. В конце концов, такой день выпадает нечасто, нечего держать ученицу на привязи с книжкой в руках.

Подул ветер, и тканевое знамя перекошилось. Юй Шанчжи протянул руку, поправил его и краем глаза заметил, как его супруг застыл в напряжении, будто навстречу ему шла сама беда, и весь взгляд был устремлён в одну точку.

Он проследил за ним, но не увидел ничего знакомого.

— А-Е? — негромко окликнул он.

Вэнь Ецай сразу же обернулся, и в следующий миг потянул его в сторону:

— Я увидел людей из деревни Банпо! Те самые, с кем говорил, когда пытался разузнать про тебя. Я точно их узнал, это они!

Юй Шанчжи тут же понял, откуда такое напряжение и, мягко похлопав супруга по руке, спокойно сказал:

— Если действительно пришли, я разберусь сам.

Однако, несмотря на суету и шум вокруг, люди из деревни Банпо, которых заметил Вэнь Ецай, не спешили подходить. Прежде чем это произошло, к ним подошёл первый за день пациент.

— Вы и есть лекарь Юй из деревни Селю?

Юй Шанчжи отпустил руку Вэнь Ецай и, несколько не смутившись тем, что их могли заметить вместе, открыто ответил:

— Да, это я.

Одним взглядом он охватил всех, кто пришёл. В центре стояла пожилая женщина, окружённая

роднѣй: судя по всему, её сопровождали сын с невесткой, дочь с зятем и несколько внуков.

Кон Майя быстро достала складной табурет и поставила его перед навесом, пригласив пациентку присесть. Дочь помогла матери опуститься, а мужчина, похожий на её сына, вышел вперёд и сказал:

— У нас в деревне Шуймо живёт родня, они-то и сказали, что у вас рука лёгкая. У моей матери уже несколько месяцев что-то неладно, вот мы и пришли просить вас посмотреть.

Оказалось, что они пришли по чужому совету. В последнее время таких пациентов становилось всё больше, и Юй Шанчжи к этому уже привык.

— Прошу, матушка, садитесь поудобнее. Что именно у вас болит? — мягко спросил он.

На деле к Юй Шанчжи обратились не столько от безысходности, сколько от накопившегося отчаяния: пожилая женщина болела уже давно, но всё это время упорно отказывалась идти в уезд к врачу, жалея денег. И вот, оказавшись на рынке, семья услышала, что здесь сегодня принимает молодой лекарь, якобы способный справляться даже с эпидемией. Поэтому, не спрашивая согласия, дети буквально силой привели мать к его ларьку.

Пусть за приём он просил всего пятнадцать вэней, вдвое меньше, чем в уезде, женщина всё равно посчитала это пустой тратой: мол, зря только деньги швыряют. А когда увидела, насколько юн этот лекарь, на лице её тут же отразилось недоверие.

Юй Шанчжи заметил это, но никак не отреагировал. Он по-прежнему делал то, что должен был делать. Раз уж пришли, значит, на самое необходимое согласны.

Выслушав краткое описание симптомов, он положил на стол подушечку для пульса и жестом предложил пациентке протянуть обе руки. Сам сел напротив, одновременно приложив пальцы к запястьям. Возможно, этот приём отличался от привычного, ведь у большинства сельских лекарей проверка пульса была скорее формальностью. Тут же две руки, два пульса сразу. Любопытные взгляды со всех сторон сразу обратились к нему.

Спустя несколько мгновений Юй Шанчжи поднял глаза. В его взгляде была спокойная уверенность, не позволяющая усомниться в нём. Он кивнул Кон Мая, велел разложить бумагу и приготовить тушь, сам же убрал пальцы с пульса и мягко сказал:

— Тётушка, прошу, откройте рот, покажите язык.

Женщина, по имени Ду Гуйхуа, нахмурилась, но подчинилась - приоткрыла рот и высунула язык. Юй Шанчжи внимательно взгляделся, рядом Кон Майя вся обратилась в слух и тут же начала записывать на бумаге услышанное:

— Язык светло-красный, налёт жёлтый и жирный, пульс — напряжённый и учащённый.

Обычно Юй Шанчжи не озвучивал такие наблюдения, но раз сегодня он с ученицей — проговаривал всё в деталях.

— Тётушка, вы ранее упомянули, что уже три месяца как начали кашлять, в желудке будто поднимается кислота, и ещё ощущение жжения в груди, верно?

Теперь Ду Гуйхуа выглядела уже не такой настороженной, как вначале.

— Всё так, лето на дворе, а меня как будто изнутри жаром прожигает.

— Во время кашля отходит мокрота?

— Отходит, — кивнула она.

— А тяжесть в груди, стеснение бывает?

Ду Гуйхуа на миг задумалась, припоминая, и после паузы ответила:

— Бывает, временами.

— В последнее время, — продолжал Юй Шанчжи спокойно, — вы не замечали, что стали легче раздражаться?

Этот вопрос застал Ду Гуйхуа врасплох, она даже замерла на миг, а стоящий за её спиной мужчина не удержался от бормотания:

— Это точно.

Ду Гуйхуа тут же обернулась и зыркнула на него, но было уже поздно: невестка и дочь с зятем, стоявшие поодаль, уже опустили головы, стараясь сдержать смех.

Основные симптомы были выяснены, Кон Майя сосредоточенно продолжала строчить, её быстрые движения кистью невольно привлекли внимание окружающих. Все с удивлением разглядывали девочку: выглядела она совсем юной, едва ли перешагнула десятилетний рубеж, но не только знала грамоту, но и столь ловко писала — по сельским меркам редкость большая. Кто она такая для этого молодого лекаря?

В этот момент Ду Гуйхуа кашлянула дважды, в звуке ясно слышалась мокрота.

Юй Шанчжи не заставил себя ждать с выводом:

— Тётушка, у вас явное состояние, которое мы называем «восстание печени, угнетающее желудок» — в результате нарушается гармония между печенью и желудком, мутная ци поднимается вверх и достигает лёгких, вызывая кашель и образование мокроты.

Он указал на собственную грудь, поясняя, куда и как движется энергия. Родные женщины за его спиной слушали с растерянным видом, но при этом, кажется, начали что-то понемногу понимать.

Дочь, заметив, как мать задумалась, поспешила спросить:

— Так это лечится?

Ду Гуйхуа пришла в себя, но, похоже, её волновал совсем другой вопрос:

— А денег много уйдёт? Если дорого, тогда не лечим.

Едва родня собралась её переубеждать, Юй Шанчжи уже с лёгкой улыбкой качнул головой:

— Тётушка, ваша болезнь пока не запущена, лечить её сейчас дело нехитрое и недорогое. Но если откладывать, кто знает, во что она разовьётся? Сейчас можно обойтись малыми затратами, зачем же тянуть до тех пор, когда придётся тратить много, да ещё и без гарантии?

— Вот именно, мам, послушайте лекаря, — подхватила дочь.

— Верно, мам, лучше уж вылечиться, пока не поздно, — поддержал сын.

Дети наперебой убеждали, и Ду Гуйхуа в итоге нехотя согласилась:

— Ну ладно... Лечиться так лечиться. Только ты смотри, дорогие лекарства мы тянуть не можем.

Услышав это, Юй Шанчжи с пониманием кивнул и выписал ей простой рецепт для успокоения желудка и облегчения кашля:

— Это отвар, пить раз в день. Если не хотите ехать в уездную аптеку за травами, заедьте в деревню Селю и найдите меня, моя фамилия Юй.

Ду Гуйхуа тут же переспросила, сколько это всё будет стоить, и Юй Шанчжи, немного подумав, ответил:

— Скажем так: если начать лечиться сейчас, то всё обойдётся максимум в два лян серебра, и поправитесь быстро. Но если продолжите тянуть, в следующий раз может понадобится и десять, и двадцать лян.

Кон Майя аккуратно обдула чернила на бумаге, затем протянула рецепт. Родные Ду Гуйхуа бережно приняли его и тщательно сложили. Две лян серебра для их семьи сумма подъёмная, тем более речь шла о здоровье матери. Хотя на первый взгляд симптомы были нестрашные, но затянувшаяся болезнь могла изрядно вымотать. А если ехать в уезд, то не поймёшь, сколько тамошние лекаря ещё и накинут сверху.

Зато о Юй Шанчжи уже ходили слухи - в деревне Селю он берёт за приём недорого, и лекарства у него тоже стоят разумно.

Сын повернулся к матери:

— Мам, я завтра с утра пойду в Селю и принесу тебе всё нужное.

Заплатив за приём пятнадцать вэнь, семья собралась и двинулась прочь, не забыв напоследок несколько раз поблагодарить Юй Шанчжи. Он проводил их взглядом, а затем скользнул глазами к лавке поодаль, где до того стояли люди из деревни Банпо, но теперь их там уже не было видно.

Неужели просто не узнали?

А в это время, неподалёку, те самые трое, что хорошо знали Юй Шанчжи и Вэнь Ецая, уже давно сбились в кучку и вполголоса шептались между собой. Тот пухлый фулан, что в своё время заговорил с Вэнь Ецаем, носил фамилию Сунь, звали его Сунь Мяо. С тех пор прошло несколько месяцев, и, похоже, его талия стала ещё шире. Если бы не то, что весь он был кругленький да мягкий, кто-нибудь вполне мог бы заподозрить, не беременный ли он.

Сопровождали его сегодня двое: его свекровь по фамилии Тун, по имени Юаньши, а также жена младшего сына Хуан Ин. Ирония заключалась в том, что именно эта троица в прошлый раз стирала бельё на речке в деревне Банпо, когда Вэнь Ецай отправился туда разузнать о Юй Шанчжи и случайно столкнулся с ними.

Они втроём как раз выбирали какие-то нитки да иголки, когда фулан из семьи Тун, страдая от жары, не выдержал духоты в толпе и, сделав шаг назад, стал размахивать руками, обмахиваясь, и вяло поглядывал по сторонам. В конце концов, деревня Банпо располагалась не так уж далеко, потому на ярмарке сегодня было много их односельчан. Повстречать знакомое лицо было делом обычным, но вот один человек... один человек, как ни думай, никак не должен был оказаться здесь!

Фулан из семьи Тун мигом хлопнул по руке своей свекрови Тун Юаньши и одновременно потянул за локоть Хуан Ин, но, уже раскрывая рот, тут же опомнился и понизил голос до

шёпота:

— Мама, сестра Ин, гляньте-ка вон туда, скорее! Видите, кого я увидел?

Он и в обычное время отличался излишней впечатлительностью, так что Тун Юаньши сперва не восприняла это всерьёз. Лицо у неё и без того пылало от жары, и с каждой минутой раздражение только нарастало. Но первой обернулась Хуан Ин, и, едва глянув, лицо у неё тут же переменялось, она даже заговорить не смогла, запиналась, словно слова застряли где-то в горле.

— Это... я... неужто это он, тот самый?

— Кто такой? — всё ещё прикидывала, как бы сбить цену у торговца нитками, Тун Юаньши, не отрываясь от своих трёх медяков. Но, заметив выражение лиц у обоих, и сама заинтересовалась. Прищурившись, всмотрелась в сторону и...

— Ай да ну! Неужто это тот самого проклятуший ученик старого лекаря Циня?!

Она вскрикнула так громко, что тут же привлекла к себе взгляды нескольких прохожих.

Сунь Мяо и Хуан Ин поспешно отвели её в сторону от людского потока, и вот так и появилась та самая сцена, что сейчас разыгрывалась в тени под деревьями.

В их глазах этот по фамилии Юй был не просто неблагодарной тварью, забывшей добро, но ещё и закоренелым игроком, совсем как те бесстыжие прощелыги, что ошиваются на задворках деревень. Кто бы мог подумать, что теперь он в одночасье обернулся в почтенного лекаря: сидит себе в центре рынка, с достоинством принимает больных, ведёт разговоры с людьми — с виду утончённый, обходительный, будто с ним и вправду приятно иметь дело.

Тун Юаньши уставилась на него в замешательстве, засомневалась:

— А может, и не он? Вроде не совсем похож...

Она хлопнула ресницами, прищурилась, но Сунь Мяо был совершенно уверен:

— Никак не может быть ошибка. Это точно он, Юй. А вы помните того гера, что рядом с ним? Он ведь тогда к нам в деревню приходил, расспрашивал про ученика старого лекаря Циня!

После этих слов трое переглянулись, не зная, что и сказать. Ведь тогда они хорошенько прошлись по Юю, грязью его изваляли с головы до ног. А теперь выходит, что тот гер не только не отшатнулся, а и вовсе стал его супругом?

А как же тот его муж, который, говорили, болен? Не иначе как давно умер.

Они снова украдкой оглядели Вэнь Ецая, и подумали: такой гер... если овдовел, то, конечно, трудно ему будет вновь устроить судьбу. Вот и вышло, что от безысходности он и связался с этим Юем, наверное.

Они сначала увидели, как двое держались за руки и о чём-то говорили вполголоса, затем наблюдали, как целая семья подвела женщину к Юй Шанчжи на осмотр. И когда те действительно, получив рецепт, ушли, первым не выдержал Сунь Мяо.

— Шарлатан! — возмутился он. — Вот уж если бы просто нашёл себе какого-никакого супруга и жил тихо, было бы полбеды... а он, оказывается, ещё и лечить взялся? Он не боится, что кого-нибудь угробит?

Сунь Мяо издавна слыл человеком «с горячим сердцем»: в их деревне кто бы ни поругался из-за пустяков, он непременно встревал и лез мирить. И уж увидев такое, не мог не возмутиться.

Хуан Ин тоже вспыхнула, вторя ему:

— Невестка Сунь прав! Я вот что скажу — вышел за пределы деревни, и никто про его гадости не знает, вот он и разыгрывает из себя лекаря! У него же нет другого способа зарабатывать на жизнь, вот и пустился козырять тем, чему раньше у старого Циня научился!

Они то и дело подзуживали друг друга, полные решимости пойти и разоблачить Юя Шанчжи на месте. Но тут вмешалась Тун Юаньши и покачала головой. Она прожила на свете большую часть своей жизни, многое повидала и людей умела видеть насквозь. И вот сейчас, по какой-то непонятной причине, ей всё же казалось, что этот парень по фамилии Юй будто совсем другой человек.

Он будто бы вовсе не тот, каким был раньше.

К тому же семья, что только что подошла к нему на осмотр, вела себя вежливо и с уважением. Подумать только: кто же рискнул бы довериться молодому лекарю, который просто выставил лавку посреди рынка?

Но если Юй Шанчжи и впрямь шарлатан, то им, как людям из деревни Банпо, никак нельзя закрывать глаза и позволять ему порочить посмертную репутацию старого лекаря Циня.

Подумав как следует, Тун Юаньши всё же приняла решение:

— Сначала мы разузнаем как следует.

Сунь Мяо с недоумением спросил:

— Мам, а у кого ты собралась узнавать?

Но Тун Юаньши лишь сказала:

— Вы с ней помолчите, ладно?

С этими словами она поправила подол своей одежды, чуть подровняла головной платок, взяла с собой невесток и направилась к прилавку Юй Шанчжи.

А Ду Гуйхуа в это время как раз наклонилась, чтобы поднять внука, который капризничал и требовал сахарную фигурку, как вдруг услышала, что кто-то позвал её сзади. Она обернулась, решив, что это кто-то знакомый из деревни, но, подняв глаза, увидела трёх совершенно незнакомых людей.

— Вы кто? — с настороженностью отступила она на шаг.

А Тун Юаньши уже с добродушной улыбкой отвечала:

— Сестра, извините за беспокойство, мы из деревни Банпо, что при городе Утун, хотим у вас про одного человека расспросить.

Увидев, что Тун Юаньши одета чисто и опрятно, с ходу назвала себя, а сопровождающие её молодой гер и женщина тоже выглядели вполне доброжелательно, Ду Гуйхуа слегка расслабилась и с улыбкой ответила:

— Сестра, чего вы так церемонитесь, просто, кажется, мы раньше не встречались... Про кого вы хотели разузнать?

Тун Юаньши приподняла висевшую на руке корзинку, кивнула назад и сказала:

— Не буду скрывать, хотим узнать насчёт того лекаря, что вон там, через дорогу, сидит у прилавка. Я уж в годах, да вот последнее время со здоровьем неладно. Всё думала доехать до города, да куда там, дома дел по горло, ну как всё бросишь? А тут гляжу, на рынке лекарь сидит, думаю, может, и вправду удача подвернулась. Только вот не знаем, стоит ли ему доверять... А вы как раз от него сейчас, вот и подумали, не расспросить ли.

Эти слова Тун Юаньши были сказаны прямо и ясно, и Ду Гуйхуа окончательно успокоилась.

— Ах, вот в чём дело! Хотите узнать про того лекаря... Так я вам скажу, этот молодой врач

последнее время и правда стал известен по всем соседним деревням. Вы ж из деревни под Утуном, не слышали про него, так что это нормально.

Тун Юаньши на мгновение растерялась, а стоящие за ней Сун Мяо и Хуан Ин тоже переглянулись: «Стал известен» — это что ещё значит? На слух, по крайней мере, звучит явно не как дурная слава.

Увидев их замешательство, Ду Гуйхуа отвела Тун Юаньши в сторону дороги и по-свойски доверительно зашептала:

— Сестра, боюсь, вы не знаете — этот молодой лекарь, зять-чжусюй в доме одного гера из деревни Селю, говорят, раньше учился у местного старого врача и по-настоящему овладел ремеслом. У них в деревне как-то вспыхнула эпидемия: дети заболели, да так сильно, что несколько чуть не умерли. К счастью, именно этот Юй-ланчжун взялся лечить и не только вылечил ребят, но и не дал болезни перекинуться в соседние деревни.

Слово «эпидемия» в глазах простого люда звучало пугающе, так что ничто не могло лучше свидетельствовать о мастерстве лекаря, чем способность справиться с подобной бедой.

Закончив рассказ, Ду Гуйхуа, всё же немного смущённая, добавила:

— Хотя это всё со слов других, я вот только что рецепт от него получила — не знаю пока, поможет ли.

Дочь Ду Гуйхуа, услышав сказанное, поспешно вмешалась, опасаясь, как бы мать не передумала пить отвар:

— Мам, да что ты! У Юй-ланчжуна же действительно руки золотые, разве не он вылечил старую болезнь у тётушки?

Услышав о своей старшей сестре, Ду Гуйхуа невольно признала:

— Ну, это правда. Если бы не она, я бы с вами и не пошла.

Затем повернулась к Тун Юаньши с пояснением:

— У моей старшей сестры уже много лет болел желудок, стоило переесть чего-то не того, и спина сразу сгибалась от боли. А тут, не поверите, пропила всего несколько отваров, что выписал этот молодой лекарь, и теперь почти всё прошло. Я как-то навестила её, так она говорит: давно уже ничего не болело, даже начала есть то, чего раньше боялась.

Сын Ду Гуйхуа тоже поддакнул:

— Вот именно, мам. Да я ведь ещё, помните, ездил в усадьбу господина Цяня молотить зерно? Так там люди тоже про него говорили. Мол, этот Юй-ланчжун и сына Цянь-юанвая лечил, тот его потом щедро отблагодарил.

Тут даже сама Ду Гуйхуа удивлённо округлила глаза:

— Ай да ну! И такое было? А ты чего раньше не говорил?

Сын почесал в затылке, смущённо пробормотав:

— Так я ж забыл... Вот сейчас только и вспомнил. Да и вообще, тот человек был всего лишь управляющим у господина Цяня, обмолвился между делом, я и не осмелился расспрашивать.

Услышав имя Цянь-юанвая, Ду Гуйхуа машинально пробормотала:

— Уж чего-чего, а у господина Цяня какое богатство... И всё же позволил такому молодому лекарю лечить родного сына...

Ей и не нужно было договаривать, Тун Юаньши уже подумала о том же.

Цянь-юанвай! Его имя знали и в их городе Утун. Человек, чей род владел несметными богатствами в уезде Лянси, стоящий на самом верху иерархии местной знати.

Тун Юаньши бросила взгляд на Сунь Мяо и Хуан Ин, сердце её ёкнуло. Хорошо хоть, что она вовремя остановила их и не дала этим двоим подойти к Юй Шанчжи с претензиями. Люди, которым покровительствует такой влиятельный господин, в случае ссоры могут одним пальцем раздавить простолюдина и даже не заметят.

Понимая, что разговор с Ду Гуйхуа подходит к концу, Тун Юаньши кивнула и сказала:

— Похоже, он и вправду не так-то прост. Спасибо, сестра. Пойдем и мы, покажемся ему.

Ду Гуйхуа наконец полностью пришла в себя и горячо поддержала:

— Вот именно! Не упускайте шанс, кто знает, когда ещё такой случай подвернётся. Вам из Утуна и без того путь неблизкий. А тут, считай, всего-то за пятнадцать вэнь и осмотр, и рецепт. В разы дешевле, чем в городе!

Тун Юаньши прекрасно помнила: при жизни старый лекарь Цинь тоже никогда не брал за приём больше пятнадцати вэнь.

— Ладно, спасибо тебе, сестра. Мы только тебя отвлекли, вы ведь всей семьёй на рынок пришли.

Ду Гуйхуа махнула рукой:

— Пустяки. — затем крикнула сыну и дочери, велев возвращаться к своим делам, а сама вместе с ними обернулась и пошла прочь.

Когда та ушла, Тун Юаньши перевела взгляд на своих невесток. Как она и ожидала, оба притихли, словно воды в рот набрали. Она не сдержалась и упрекнула:

— Смотрите на себя! Чуть всё дело не испортили! Слышали, что говорили? Уж не знаю, хороший он лекарь или нет, но одно ясно - с таким лучше не ссориться, он уже не простая сошка!

Сунь Мяо надул губы:

— Хм, тоже мне, нашёлся способный. Примазался к какому-то геру и женился. Да разве он не живёт за чужой счёт?

Тун Юаньши метнула на него косой взгляд:

— А тебе-то что? Он твой рис ест, что ли?

Сказав это, она нахмурилась, подумав про себя: а ведь и сама, бывало, в деревне немало злых слов про этого Юя говорила... вдруг он не забыл — не навлечь бы теперь беду.

— Об этом ни слова. Больше никто не должен заикаться о Юе, не то что плохо отзываться. Мы люди честные, живём по совести, с такими, как он, лучше идти по разным дорогам, и чем дальше, тем лучше, — строго сказала Тун Юаньши.

Сунь Мяо с Хуан Ин послушно закивали: они уже поняли, во что может вылиться лишняя болтовня. Тун Юаньши тут же поторопилась увести их в обход, теперь у них и мысли не было подходить ближе. Хорошо бы только не пересечься.

Юй Шанчжи, узнав от Кон Майи, что люди из деревни Банпо ушли, с облегчением сообщил об этом Вэнь Ецаю. По его лицу видно было, как ему стало легче дышать, словно спал тяжелый груз.

Они только собрались поговорить, как вдруг из толпы послышался чей-то громкий голос:

— Эй, Эрню!

Вэнь-эрню вскочила по привычке и тут же увидела, как к ней на всех парах несётся смуглый парнишка с сияющей белозубой улыбкой.

— Эрню!

Узнав, кто это, Эрню схватилась за живот и расхохоталась:

— Гоудань! Ты теперь собираешься сменить свое имя на Хэйдань*? Ха-ха-ха!

(ПП: Гоудань - собачье яйцо. Детям давали такие некрасивые прозвища, чтобы уберечь от сглаза. Хэйдань - чёрное яйцо)

Сюй Гоудань провёл рукой по лицу - он и вправду сильно загорел. Хотя у деревенских ребят кожа и так никогда особенно светлой не бывала, чаще всего цвета зрелой пшеницы, теперь он был похож скорее на подгоревший колос. Но он и не думал обижаться, наоборот, с гордостью расправил плечи:

— Это потому, что я каждый день усердно тренируюсь! Отец в награду даже купил мне кедровые конфеты!

С этими словами он осторожно развернул бумажный кулёк, опустил глаза и протянул его вперёд:

— Всё тебе, ешь.

Вэнь-эрню даже растерялась:

— Всё мне? Но ведь это же дядя Пэн купил тебе...

Сюй Гоудань только настойчиво пихал ей в руки лакомство:

— Ты не думай, просто бери.

Вэнь-эрню взяла одну конфетку, засунула в рот и тут же заулыбалась так, что на щеках проступили ямочки:

— Ты с уезда вернулся? А твой учитель какой? Строгий? Что вы там каждый день учите?

Пока двое детей болтали, семья Сюй Пэна уже подошла к лавке семьи Вэнь.

— Дядя Пэн, тётушка Цуйфэнь, Фу-гер.

Юй Шанчжи и Вэнь Ецай вежливо поздоровались и поспешно зачерпнули два бамбуковых стаканчика с напитком из кислых слив, протягивая их гостям.

— Гоудань сегодня не на учёбе?

Сюй Пэн и Су Цуйфэнь сначала, конечно, отказывались принимать угощение, но Юй Шанчжи сказал:

— Это для Фу-гера и Гоуданя.

В итоге Су Цуйфэнь нехотя всё же взяла только одну порцию:

— Ну вы даёте, чего ж вы такие вежливые-то?

Она взглянула на ярко-красный напиток, сама пить его не решилась, повернулась и отдала Фу-геру, а тот лишь пригубил немного, решив, что потом обязательно поделится с Гоуданем.

— А брат Линь с невесткой не пришли?

Вэнь Ецай оглянулся, не увидев Сюй Линя и его жену.

Су Цуйфэнь с улыбкой сказала:

— У твоей невестки живот всё больше, в такую жару выпускать её на улицу опасно. Линь-эр остался с ней дома, мы же, когда пойдём обратно, просто возьмём им что-нибудь. А у вас сегодня как с торговлей?

Сказав это, она также кивнула семье Чжуанцзы, стоявшей неподалёку, в знак приветствия.

— Да так, сойдёт, — ответил Вэнь Ецай. — Назвать это настоящей торговлей нельзя, больше на то похоже, что вытащили ребятишек на ярмарку, просто поглазеть.

Вэнь-эрнью, Вэнь-санъя и Кон Майя подошли и вежливо поздоровались. Су Цуйфэнь погладила Вэнь-санъя по голове, затем бросила взгляд на собственного никчёмного сына Гоуданя. Задумавшись, она предложила:

— У вас, гляжу, все заняты, не отойти. А мы как раз собираемся дальше пройтись. Хотите, я заберу детей с собой, погуляем немного, потом вернём вам?

Юй Шанчжи поспешно отказался:

— Как же можно вас так утруждать? Это слишком хлопотно.

Но на этот раз ответил сдержанный Сюй Пэн, тот самый, которого сын ежедневно доводил до головной боли. Увидев же детей из семьи Вэнь, он сразу почувствовал к ним невысказанную симпатию и тихо сказал:

— Никаких хлопот.

Раз уж хозяин семьи сам сказал, что ему не в тягость, Су Цуйфэнь без лишних церемоний взяла Вэнь-санъя за руку. А Вэнь-эрню и подавно не нуждалась в приглашении от тети — та даже не успела её окликнуть, как девочка уже вприпрыжку поспешила за ними. Но Су Цуйфэнь не забыла и о Кон Майе.

— Майя, пойдём с нами, — позвала она добродушно.

Кон Майя покачала головой:

— Спасибо, тётушка, но я должна остаться и помогать шифу принимать больных. Пойти не смогу.

Юй Шанчжи мягко хлопнул её по плечу:

— Сейчас всё равно никого нет, сходи прогуляйся, развейся немного.

Но Кон Майя упрямо покачала головой. Видя, что уговорами ничего не добиться, все только улыбнулись и оставили её.

В итоге Сюй Гоудань буквально «похитил» Вэнь-эрню, увлекая её за собой, а Сюй Пэн с лёгкостью подхватил Вэнь-санъя и усадил себе на плечи. Когда Вэнь-санъя был совсем маленьким, Вэнь Ецай ещё мог играть с ним в такие игры, но теперь, когда младший брат подрос, поднять его на руки становилось уже непросто. Поэтому Вэнь-санъя, восседая на высоте, радостно махал им рукой.

Перед самым уходом Вэнь Ецай, чутко подметив момент, ловко сунул Вэнь-эрню в руку мешочек с деньгами. Девочка всё поняла без слов, молча спрятала кошель в рукав и взглядом дала понять брату и зятю, что они могут быть спокойны. Раз уж они пошли гулять с семьёй Сюй, то уж точно не позволят другим платить за себя.

Проводив младших, Вэнь Ецай принялся энергично размахивать бамбуковым веером, поднимая прохладные потоки воздуха. Юй Шанчжи, заметив, как у того пересохло в горле от жары, достал свой бамбуковый сосуд и налил ему чашку напитка.

Вэнь Ецай осушил полчашки залпом, только тогда и заговорил:

— Всё же тётушка Цуйфэнь умница, всё предусмотрела. Мы ведь тоже собирались сводить Эрню и остальных на ярмарку, а по итогу только и делаем, что тут суетимся, ни разу толком не вышли.

Юй Шанчжи задумчиво сказал:

— Ярмарка ведь идёт три дня. Если остальные дни будут такими же, как сегодня, к третьему дню у нас, наверное, и товара-то не останется. Тогда и закроемся пораньше и всей семьёй пойдём, прогуляемся.

На лице Вэнь Ецай появилось радостное выражение, он слегка кивнул, а затем веером махнул в сторону Кон Майи, что стояла в другом конце лавки, торгуя соломенными сандалиями.

— В следующий раз возьмём и Майю с собой, — с мягкой улыбкой сказал Вэнь Ецай. — Я гляжу, как только она сталкивается с кем-то не из нашей семьи, сразу зажимается.

Семья Сюй недолго водила Эрню и Санъя гулять — прошло меньше трёх кэ (примерно три четверти часа), как их уже вернули обратно. Посмотрев на их румяные, покрасневшие от веселья щёки, сразу было видно, что наигрались от души. Но при этом оба вели себя разумно, ни копейки лишней не потратили.

Завершив еще несколько продаж, они дождались полудня. На рынке один за другим заголосили торговцы едой, кто с лотками, кто с коромыслом на плечах, расхваливая свой товар, зазывая покупателей. Только что мимо прошёл один с подносом масляных лепёшек, за ним уже другой, продающий мелкие вонтоны.

Юй Шанчжи услышал, как у Вэнь Ецай заурчало в животе, и, не удержавшись, легонько хлопнул веером по его животу.

— Ну что, хочешь чего-нибудь перекусить? Муж угостит.